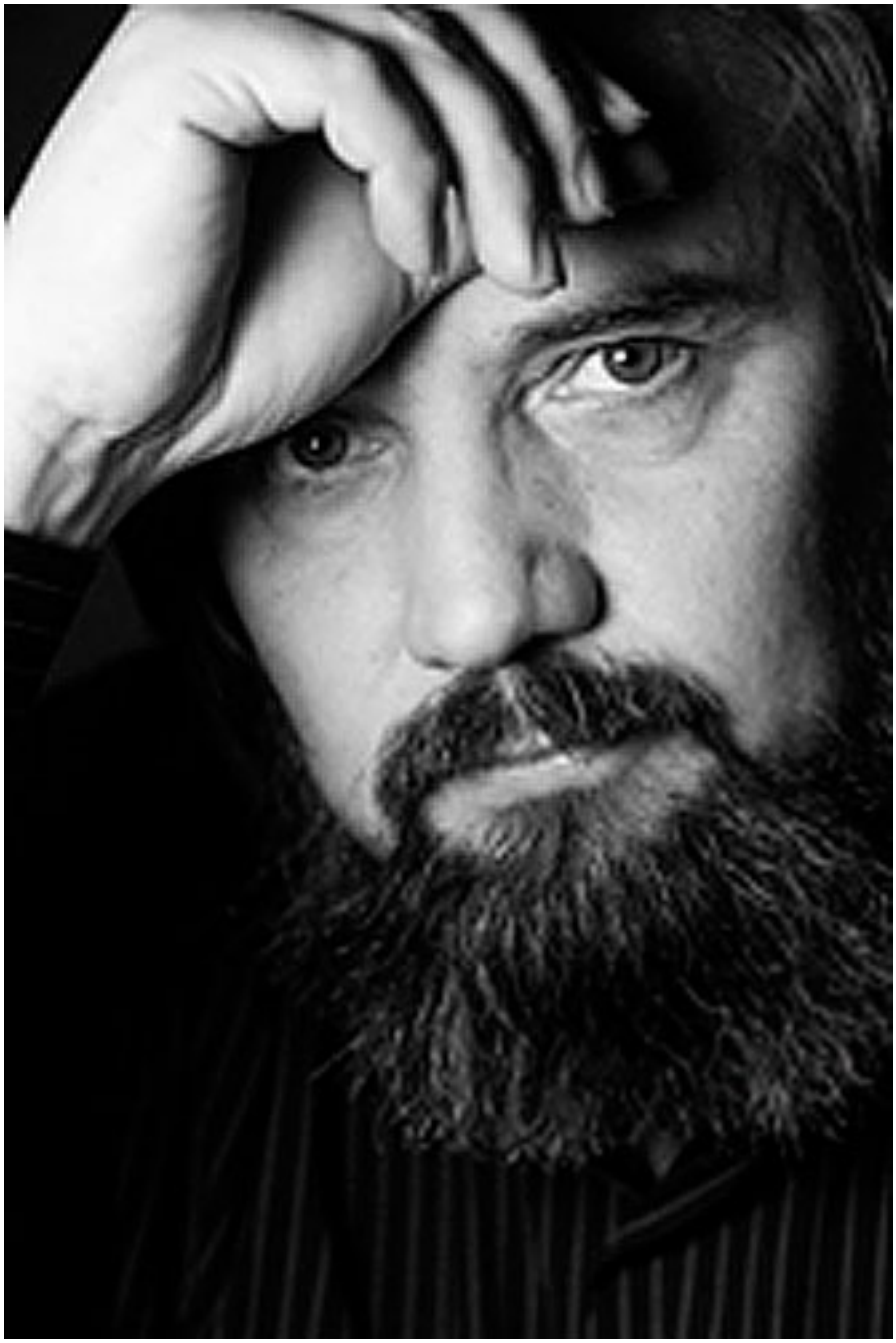
Автор: Оргкомитет
15.12.2014 00:32



Стихотворения, предложенные в ТОП-10 "Кубка Мира по русской поэзии - 2014" членом Жюри конкурса. Лучшие 10 стихотворений Кубка Мира будут объявлены Оргкомитетом 31 декабря 2014 года.

1 место

Конкурсное произведение 87. "Сад"

почудится
животрепещет сад
смеётся на лесные голоса
ранета облепиха черноплодка
и сладким им
неведомы дымы
у края вставшей
скорбной стороны
у смертных дней
дрейфующая лодка
послышится
шевелится звезда
в небесной люльке
воздух первоздан
безветрие бессмертие безвинность
и здесь неразличимы неслышны
ни мамкин вой
ни полукрик жены
ни рокотная скверна карабина
поверится
на пролитой весне
черёмуховый остывает снег
прощеньем убелённая прохлада
и вновь над всем
смиренен звёздный свет
и ровен счёт живых сыновних лет
ни рокота и ни порока нет
воскреснувшее трепетанье сада

2 место

Конкурсное произведение 176. "Безымянное"

Я скоро женюсь.
Я водитель трамвая.
Я мамин единственный сын.

Царапало нёбо трава полевая,
шагали по небу часы.
Жила тишина между взрывом и пулей
под мерное пение ос.
И прятался день, чтоб его не вернули
считать свой несчётный укос.

А сон возвращался, живой, состоящий
из мамы, конфеты, борща,

трамвая, похожего больше на ящик
в зелёном плаще из плюща,
любимой, любимой, ещё раз любимой,
бегущей по буквам письма.

Горячие сны, словно россыпь рубинов,
а всё остальное – зима:
замерзла вода, зачерствела буханка.
Зато перестало болеть.

Я был женихом.
Я – водителем танка.
А я не успел повзрослеть.

3 место

Конкурсное произведение 164. "Чаепитие"

Ноет подгоревшее полено,
Тянутся морозы к сорока.
Бродит ложка в чае по колено -
Не хватило кружке кипятка.
Чернота полнеет как товарка,
Тайно предаваясь шепотне:
Возбухает дедова заварка,
Ползая по-горьковски, на дне.

Снег ярится - пришлый, безземельный.
Вечер до полуночи допит.
Бабкин домик чайно-карамельный
Все грехи за зиму отоспит.

Как ему, хранящему родство,
Доживать себя до ничьего?

--
Вечер в коммуналке (что не ново).
Стол. Терновка. И тебе терново.
Поэтесска с мордочкой Му-Му.
Выгнать бы к чертям её, чуму,
Но сменяешь парочку обновок
На дуэт ночных перестановок.
Отлитературишь в два стиха.
Довела, терновка, до греха.

К ночи разметелилась столица, -

Дамами, мехами соболится,
Шутит над пальтишком простака.
С кровью - златоглавая телица
«Оканье» счищает с языка.

Силишься воскликнуть: «Я холосый...»
Но сидишь обросший, безголосый,
Стенку тенью делишь пополам.
Как союзписательские взносы,
Тараканы бродят по углам.

Где же тапок... Жаждешь заварушку!
Что нащупал? Дедовскую кружку?

--
Человечий дух неудержим,
Как технарь, корпящий над карданом.
Ты сменил и адрес, и режим,
Вырвался, не слёг под чемоданом.

Мы теперь с тобою визави
В истине, как два грача в навозе.
Но кривые - сколько ни криви, -
Дальше Ахерона не вывозят,
Лишь латают паузы над Е
И меняют почву в колее.

--
Утро. Муха плавает в «Арго», -
Жизнь щедра на лишние детали.
В сентябре цыплят пересчитали,
Но весна подводит Итого.

Пять шагов до озера парного.
Выпей, банька, жара дровяного -
Просто так. Не важно, за кого.

В дедовом краю лесов и пашен
Плач окончен, костерок погашен.
Медленно, как мёртвый на столе,
Остывает кружка на золе.

4 место

[Конкурсное произведение 129. "Последний"]

В печке не пляшет, а старчески шамкает.
Слышишь, не дышит кромешная стынь.
Нет ни принцесс, ни драконов, ни замков тут –
остовы чудищ, а, может, кусты.
Шепчут шаги невесомые чуткие
на чердаке – домовой стережет
наше сокровище позднее, шутка ли,
счастье на старость. Месит снежок
тощая тень под худыми окошками,
чтобы волчок тебя в лес не унес.
Слышишь, из ковшика звездными крошками
запорошило медведице нос.
Глухо крест- накрест зашиты окрестности.
Не прошмыгнет ни одна из дорог.
Много легло здесь, умаявшись, без вести.
Ты постарайся выспаться впрок.
Спи и не слушай, как сердце колотится.
Будет бессонница – крестная мать.
Доля студеней водицы колодезной –
мертвой деревне глаза закрывать.

5 место

Конкурсное произведение 211. "Неторопливое"

Там, где не важно – рассвет ли, вечерняя ли заря,
где в сути едины колыбельные и будильники,
древний бог разливает время в ячейки календаря,
и будущее кладёт на полочки в холодильнике.
Оно хрупкое: не так вздохнёшь – разлетится в прах,
на свету передержишь – засветишь, как плёнку, и что потом?
перегреешь – испортится: лучше держать впотьмах,
в разумном холоде, и вблизи разговаривать шёпотом.

А у нас тут листва облетела: идёшь – шуршит;
день на грани обморока, а у ночи – сезон разлива, и
накрывает волной, невзирая на рубежи,
и длится, тянется... Толку, что мы спешим –
у неё-то время нынче неторопливое...
И велик соблазн – закутаться в ночь, вяло существовать, пока
бог достанет к весне немного будущего, нацедит, тающего.
Но у него-то всё разложено по полочкам – на века,
а у меня – ни черта ещё...

6 место

Конкурсное произведение 54." Сумерки"

Собраны листья.
Люди ушли с мешками.
Время надело колкие рукавицы.
Сизиф-ноябрь медленно катит камень
мёрзлого солнца в гору, не горячится:
возраст, одышка, тягота жизни вечной
плюс ритуалы старого мизантропа
("деточка, верите, опыт, всего лишь опыт...").

После обеда падает солнце. Вечер
в царстве Аида похож на любой прошедший:
тёмные улицы, хмурые злые души
бывших мужчин и не менее бывших женщин
тащат домой обиды и снедь на ужин,
ялики службы "Всё за обол" роятся
вдоль берегов широких,
как смерть, проспектов...

Только затеплишь память в прозрачных пальцах —
смотришь, тускнея, — огня-то почти и нету.
Выдохнешь: "Ладно... К тому всё и шло, пожалуй",
съёжишься мятой обёрткой у стылой урны
и — обожжёт забытым вербенным жаром,
обовьёт ажурным,
мягким, текучим, но вскоре уже влекущим
мелосом — голосом чистым — его и арфы.

Ближе мелодия, громче, а тьма всё гуще.

Душно...
На воздух бы...
Сбросить пальто и шарфик —
к Церберу лишнее!
Хватит одной туники.

Но... Я... Но кто я? И кем он меня узнает?
Целую вечность была здесь тенью, была одна я.

Лучше не помнить — а он мне: "... ну Эвридика...".
Знаю, как будет, — а он мне: "... пойдём, родная...".

7 место

Конкурсное произведение 260. "Возвращение в лабиринт. Адониада Ариадны"

... Здесь проснётся сад. Скоро свет просочится сквозь
незадёрнутый свод. Будет ветер к земле клонить
травяную ось,
прикоснёшься - с неё на ладонь соскользнёт ответ,
кто тебя хранит, кто течёт, холодком дразня.
Прочитай губами, как раньше читал меня.

А теперь кончается нить,

ведь никто, как ты, не искал в лабиринте суть,
возвращаясь сюда. Ведь как ты - не посмел никто
под землёй уснуть -
и проснуться в саду - в полусонной его листве,
в колосках травы, в еле слышимом колдовстве,
с одуванчиком на растрёпанной голове.

Это было долгое До...

... оглядись, Эгид: вместо стен и песка - каскад
успокоенных вод. Охраняют небесный скат
голоса цикад.
Но в ладони болит роса, обретая цвет. -
Эти травы не помнят о нашем с тобой родстве.
Вместо сна и снега - спускается первый свет.
Шелестит проснувшийся сад...

8 место

Конкурсное произведение 126. "Вроде кот"

Коля, а заведи кота.
Заведи его в тёмный угол твой души,
примани его, серого, лаской, и там оставь,
чтобы он постепенно привык и негромко жил.

Эти серые, Коля, – они неспроста коты,
деликатные пифии, мудрые существа.
Вроде живность – ан нет, это твой костыль:
снять с тебя непомерный груз всемогущества.

Вроде муркнет – а ты прислушайся: он поёт,
он поэт, из груди его льётся ажурный звук.
Этим песням завидовать мог бы любой сойот,
этой стройностью мог бы гордиться любой бамбук.

Вроде – кот. Что там, когти, подушечки, шерсть, усы.

Но какая грация, удаль, какой масштаб.
У кого на земле столько смелости и красы?
Разве только у зеленоглазых и рыжих баб,

пивших зелье. Но кот бескорыстен и не ревнив,
он в постели твоей – не из прихоти. И за так.
Коля, ты ни принцесс не захочешь, ни их огнив,
если рядом пригреется предан, умён, хвостат.

А когда над тобой зашумит на погосте клён,
что останется, знаешь? Останется серый кот.
На могилу потом приходить будет только он.
И сидеть. И стеречь в твою тёмную душу вход.

9 место

Конкурсное произведение 178. "Яблочный пирог с корицей"

Если мрак и грусть собирают дань, а уют наружу течёт сквозь стены,
пироги затевает она тогда. Тесто очень радо такой затее.

Перемято так, что уже пыхтит, под хозяйской скалкой лежит покорно.
Словно блин огромный оно на вид, но принять готово любую форму.

А потом его пробирает дрожь: на доске лежит и трясётся дрябло,
потому что фрукты идут под нож – килограмм антоновских кислых яблок.

Кардамон с корицей весь дом могли б ароматной магией одурманить.
У хозяйки локон ко лбу прилип, и блестит испарина щёк румяных.

В кухне зной, как в Африке, духота. Принимает женщина их как данность
и творит пирог вдохновенно так, как Господь, должно быть, творил Адама.

В духовом шкафу синий газ горит, пирогу быть пышным – с огня, да с пылу!
Поджимая хвост, отползает быт: здесь иные силы в игру вступили...

На тепло и жар, на хозяйкин взгляд (так смотрела Ева в долинах рая)
искры счастья бабочками летят и, касаясь кожи, не обжигают.

10 место

Конкурсное произведение 158. "На прикорневом лету"

радость моя, в путанице корней,
пробирающихся из-под земли, как Орфей из ада,
не разбирая дороги, думая всё нежней

Автор: Оргкомитет
15.12.2014 00:32

о том, что всё-таки надо
бы давно заглянуть к тебе, на прикорневом лету,
с рыночным рюкзачком, под приземлённый ветер,
завиваю себе шаг за шагом да словеса плету,
думая всё нежней о том, как деревья эти
кормятся физраствором подземным, как мать земля
держит их на груди, не даёт им дурной свободы.
пробовать воздух локтем свитера как для
собственного младенчика воду.
видеть, как к кухонному стремящиеся огню
сумеречных прохожих порхают лица
и по привычке к словоплетению на корню
из пролетающих листьев складывать слово «листья».
не забывать под остекленевшей водой витрин
рыночных — мёртвые стёклышки взглядов рыбьих.
переживать вид усыпальницы изрешечённых рыб
на уже бесполезных подводных крыльях.
им не взлететь не всплыть не разбить стекла, так и лежать.
я вам сплела имена из прикорневого ветра,
рыба LedZeppelin, рыба воздушный шар,
рыба гагарин, рыба ночная ведьма ....
радость моя! не воспарить на метле, так нырнуть в кабак
сцены твоей, и в полумрачном зале
песенкой отогреться, да наглядеться, как
немолодые вакханки тебя терзают